

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-3-27-38

УДК 316.43

Российская версия формирования органов местного самоуправления

Татьяна Михайловна Гончарова¹, Елена Владиславовна Соколова²,
Роман Сергеевич Чистов³

¹ кандидат философских наук, доцент кафедры логопедии и психологии, филиал Московского психолого-социального университета в г. Красноярске (РФ) goncharovtm@yandex.ru

² кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-политических дисциплин, Лесосибирский филиал Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева (г. Лесосибирск, РФ) helena-sok@mail.ru

³ кандидат философских наук, доцент, Лесосибирский филиал Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева (г. Лесосибирск, РФ) chistovrs@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема, которая, по мнению авторов, становится все более очевидной: выстраиваемая в России модель государственного управления и регионального и местного самоуправления ориентирована на западные социальные формы. При этом не принимается во внимание ни специфика исторического развития России, ни ее культурная самобытность. Либеральный механизм формирования местных и региональных органов власти, в целом навязываемый волей верховной власти «сверху», вызывает массовое отторжение и формирует конфликтный общественный климат, разрушая общности традиционного типа и способствуя прогрессирующей атомизации социума «снизу». В статье утверждается, что в российском варианте либеральной теории местного самоуправления формирование его органов в итоге должно быть основано на механической, институционализированной системе «народного представительства». Доказывается, что реализация российской версии либеральной концепции местного самоуправления должна сопровождаться огосударствлением органов местного самоуправления с постепенным превращением их в низовой уровень вертикали власти, который должен стать школой для подготовки всех субъектов социального и политического взаимодействия. Тем самым цель статьи состоит в разработке основ модели формирования местных органов власти с учетом отечественной политической и управленческой традиции. Последняя включает формирование народных советов домов, микрорайонов, районов и субъектов Российской Федерации. Показано, что такая модель будет способствовать общественной консолидации через постепенное «наращивание» социальных связей и формирование устойчивых социальных ячеек. По мнению авторов, это будет стимулировать социальную активность населения за счет все большего вовлечения инициативных граждан в решение региональных и муниципальных вопросов. В статье обоснована актуальность подобных действий и для развития Сибири как макрорегиона. Делается вывод, что самоуправление в Сибири имеет свою специфику и нуждается в интенсивном развитии с ее учетом.

Ключевые слова: местное самоуправление, социология управления, региональная социология, местное сообщество, псевдосфера функционирования, сфера жизнеутверждения, либерализм, евразийство.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной темы для российского общества очевидна, поскольку вопрос о соотношении государственного самоуправления с одной стороны и местного с другой, а также о статусе и роли местного сообщества в развитии страны широко обсуждается и стоит на повестке дня уже многие десятилетия. При этом очередной всплеск обсуждений произошел после распада СССР в начале 1990-х гг. При этом решение сложных задач, связанных с обеспечением жизнедеятельности городских и сельских поселений сибирского макрорегиона, представляется авторам особенно важным моментом. Если двигаться посредством перехода от теоретико-методологических выкладок в предметную плоскость, то можно обозначить следующую линию рассуждения.

Если отношения конкуренции в «гражданском обществе» преобладают над отношениями кооперации, а индивидуальный интерес ставится выше общественного («общество-рынок»), то в «традиционном обществе» (или обществе коллективистского типа) имеет место прямо противоположное положение — отношения сотрудничества доминируют над отношениями соперничества («общество-семья»). Российское общество изначально строилось как социум коллективистского типа: его культура, содержащая идею восточного христианства (православия), сконструировала под его воздействием весь уклад духовной жизни, породив государственность специфического типа.

Как полагает В. В. Зеньковский, в России сложилась структура вполне конкретных требований, отнесенных к государству [2, с. 40]. Данный институт рассматривается, с одной стороны, как семейная ячейка. Отсюда понимание народного единства как единства духовного, величайшей ценности, свойственное для истории России, а также стремление поставить нравственность на

Цитирование: Гончарова Т. М. Российская версия формирования органов местного самоуправления / Т. М. Гончарова, Е. В. Соколова, Р. С. Чистов // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 3. С. 27-38.
DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-3-27-38

место юридических регуляторов. Поэтому в России исторически обусловлено отношение к руководителям государства как к некоей святыне, через таинство «венчания царя на царство». С другой стороны, государственная власть признается служением особого, божественного характера. Такая высшая власть — целая и неделимая, сильная, освобожденная от прихотей неорганизованного большинства, связанная с обществом не бумажной казуистикой схоластической законности, но реальным повседневным опытом церковного единения — только она может обеспечить достижение той высшей цели, для которой и существует: руководить жизнью люда в чистоте высших идеалов. Поэтому власть — без затруднений и обязательно — ограничивает себя в желаниях и поступках рамками морали. Укажем, что свобода, в соответствии с диалектическим подходом, подразумевается здесь как понятая необходимость, как способность к рациональному поведению, основанному на постижении правды — мира феноменов и предметов, бытующего вне зависимости от сознания человека [5].

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы показать механизм развития местного сообщества в России на основе не вычурной, а органичной нашей культуры и менталитету демократии, а также указать на адаптируемость и применимость его работы в Сибири и привязанных к ней субъектах Российской Федерации и городах.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Мир столкнулся с серьезными кризисными проявлениями, дать которым удовлетворительное объяснение не всегда могут даже новейшие теории. Либерализм как философское учение развивается в эпоху Нового времени благодаря антропоцентризму, рационализму, абсолютизму и власти религиозного учения. Несмотря на то, что

либеральная идея имеет множество разнообразных проявлений, главными ценностями данной идеологии провозглашаются специфика способа производства, сложившегося в том или ином обществе, особенности развития отдельного индивида, свобода выбора, индивидуализм и независимость от государственных институтов. Юридическое право обеспечивает свободному гражданину удовлетворение большинства потребностей, кроме непосредственного и жесткого влияния на государство [22].

Так складывается представление о либерализме как возможном решении всех экономических и политических проблем в обществе. Тем не менее при этом как в Западной Европе, так и в России распространены взгляды, позаимствованные из учебников «новейшего» либерализма, в которых высказывалось доверие к экономическим и хозяйственным определениям, а не к политическим аспектам проявления демократии. Представления и ожидания, что именно либерализованная экономика все определит, сгладит острые углы, ошибочны: теоретики-либералы не понимают и недооценивают извечную разобщенность и раздробленность социальной жизни, неосуществимость и нереальность установления рациональных, объективных решений политических проблем, стоящих перед современным обществом. В России также воплощаются реалии местного самоуправления, во многом основанные на принципах, существующих в государствах Объединенной Европы. Влияние и успешное воздействие либерализма на политическую ситуацию в России стало возможно благодаря потребности отдельной личности доминировать, которая проявляется и в различных социальных институтах и организациях [13].

Государство благодаря тактике уклонения от принятия непопулярных решений сумело увеличить свою легитимность. Противостояние между государством и гражданами имело успех и оказалось полезным как государству, которое нашло источник политической власти, так и гражданину, который мог получить материальное благополучие и источник идеологической веры. В результате это привело к усилению как государ-

ства, так и так называемого гражданского общества. Эта модель характерна для развития западной цивилизации.

В России исторически развивалась другая модель. Важной особенностью управления государством была и огромная территория, что предполагало развитие местного самоуправления. Конституция Российской Федерации провозглашает признание, гарантию и независимость от государственных органов местного самоуправления в пределах своих полномочий [11, ст. 3, 130]. Фиксация органов местного самоуправления в виде независимого института предполагает их значительную самостоятельность [19].

Итак, получается, что в России либеральный подход к местному самоуправлению позволяет государству устанавливать псевдосферу действия органов местного самоуправления. Согласно либеральной модели управления, материальное первично по отношению к идеальному, что и определяет функционирование органов местного управления. Их задача заключается в обеспечении свобод и охране прав представителей местного сообщества. Моральные и иные общественные нормы и правила отступают при таком подходе на последний план. Однако как политические проблемы, так и вопросы управления нельзя решить чисто технически. Они предполагают определенный выбор какого-то одного предложения из конфликтующих между собой мнений и взглядов на проблему.

В эволюции либеральной мысли, развивающейся между экономикой и этикой, обычно определяют две основные парадигмы:

1. Первая — это нахождение баланса между разнообразными соперничающими слоями общества. И нахождение такого компромисса опирается на идею рынка, которую возможно иногда применить к сфере политики. Индивиды в политике считаются достаточно рациональными существами и действуют, чтобы достичь максимальной пользы для себя, основным образом инструментально.
2. Другая парадигма формируется в форме реакции на эту инструментальную модель,

и ее задача — найти связь между моралью и политикой. Благодаря этому политические дебаты представляются как характерное применение морали. Право выбора морали резко занижает смысл норм морали, которые сложились и устоялись под влиянием культурно-исторических обстоятельств. Поэтому в современном российском обществе причиной многих социальных противоречий является порочная природа индивидуализма. Большинство ценностей западной либеральной идеологии, таких как рационализм и индивидуализм, удачно формировались в особых условиях, в которых доминировала конкуренция в рыночных отношениях. Эти же условия обеспечили ценность потребительства и особенности индивидуалистского общества. Но практическая деятельность жизнеутверждения местного сообщества была выстроена на первой попавшейся социальной реальности, что и привело к разрушению диалектической связи, а создало лишь иллюзию управляемости [12].

Идеология в Новое время была оптимальным инструментом для достижения отождествления граждан с коллективностью и ее интересами, которое и было целью республиканизма. Соизмеряя собственные интересы с интересами страны, граждане неизбежно вступали в отношения с самими собой. Величие демократии состояло в ее способности признать конфликт и разрешить его [3]. Но «смерть идеологии», которая произошла к концу XX в., существенно ослабила позиции государства по отношению к гражданам. Без государства идеология беспомощна, а без идеологии у государства не может быть программы политического действия, как для решения государственных проблем, так тем более и для решения проблем местного самоуправления.

В эпоху, которая уже не может позволить себе праздника революции, застрять в такого рода предварительных проблемах, вызванных несрабатыванием нашего политического верха, значит подвергнуть себя большому риску. Природа политического, вопросы будущей демократии, за-

дачи и цели местного управления — эти проблемы необходимо обсуждать и исследовать. Современные избиратели не готовы и не умеют правильно сопоставлять причины и непреднамеренные результаты. Они предполагают, что возможно получить лучший из миров, где бы воплотились в жизнь идеологические цели, но при этом не думают, как избежать результатов, которые не ожидались. История как будто отказалась от избирателя, передав его эксперту как единственному лицу, которое еще способно сказать гражданину, кто он на самом деле и каковы его истинные политические интересы; сегодня эксперт еще и диктует гражданину, какие действительно важные вопросы он должен задавать. Только глубоко понимая природу и философию демократического государства, мы сможем решать проблемы, которые возникают и будут возникать в ближайшее время.

Эти проблемы касаются всех аспектов управления жизнью общества, особенно на местном уровне. Гражданин сегодня может прийти к выводу, что все его политические представления и желания странным образом отделились от его истинных интересов, поскольку теперь он живет в мире, который он никогда не поймет настолько хорошо, чтобы удовлетворить собственные даже самые непосредственные интересы, наиболее близкие к его желаниям. В результате он может прийти к заключению, что его мнения, а также и действия стали политически незначимыми [3].

Итак, для организации местного самоуправления необходимо понимать, что представительный орган, отражающий интересы местного сообщества в целом, должен быть разделенным, что будет способствовать согласованию различий в подходах и мнениях. Логично возникает вопрос об эффективности социологических опросов о мнениях электората. Опросы действительно измеряют *нечто*, но можно ли это *нечто* уравнивать с политической или социальной реальностью? Порой социологические опросы используются для подмены взаимодействия между электоратом и государством, так же, как картины, представляющие реальность, могут открыть путь к более глубокому ее пониманию. Если выборы при де-

мократии (естественно, проведенные без нарушений) — это единственный реальный социологический опрос, так и художник решает, как ему изображать реальность, а не копировать объект с фотографической точностью.

Что касается принципов организации местного сообщества, то можно отметить, что нормы права выступают приоритетными по отношению к большинству иных социальных норм. Большинство норм, будь то нормы морали, религиозные или идеологические, подменяются возможностью выбора между ними и как следствие — появления общественных норм, регламентирующих важнейшие аспекты жизни евразийского человеческого сообщества. Реализация на практике основных принципов либеральной идеологии местного самоуправления, таких как индивидуализм и неконтролируемая свобода, формирует у человека чувство превосходства по отношению ко всему окружающему, приводит к утрате связи с важнейшими социальными институтами, удовлетворение материальных потребностей становится для человека сверхзначимой ценностью, духовность отодвигается на второй план.

В современном российском обществе, имеющем множество социальных проблем, ценности либерализма, и в частности индивидуализм, не могут способствовать их решению. Западное общество, построенное на потребительстве, рыночной конкуренции, само создало благодатную почву для формирования рационализма. В области становления местного сообщества изменяются сами представления о труде как ценности. Преобразование индивидуального и коллективного сознания стало более выгодным, чем производство вещей [12].

Копирование западных либерально-демократических ценностей и установок приводит к разрушению общинного сознания российского народа и целостности общества (см. подр. [21; 2, с. 21] и др.). Образ жизни человека западного мира и человека русской цивилизации существенно различается вследствие несовпадения способов формирования и конструирования социальной жизни, на что в свое время указывал Л. Н. Гумилёв, связывая это со спецификой российской пас-

сионарности и императивов поведения [6]. Ряд современных ученых придерживаются подобного подхода, например, С. Г. Волобуев при определении российской идентичности говорит о необходимости ее разнообразия, при этом Россия обязана формировать евразийское мышление [12]. Формирование евразийского мышления может быть обеспечено только благодаря поддержанию отношений единства и цельности природы, человека и общества. Только такое всеединство может способствовать развитию личностного и профессионального потенциала человека, что непосредственно находит отражение в реализации модели местного самоуправления [9].

Как показывает российская социальная практика, поскольку главной целью эффективного функционирования местного сообщества является участие всех его членов в управленческой деятельности, необходима демократизация различных сфер общественной жизни, что будет способствовать развитию личной и коллективной ответственности за свою судьбу и судьбы всех членов сообщества. Человек сможет самостоятельно принимать и реализовывать принятые решения, контролировать события, происходящие в общественной жизни. Все вышеуказанное и будет являться залогом их подлинной свободы.

Иными словами, чем больше людей будет привлечено к реализации управленческой деятельности, чем шире пространство для саморазвития членов данного сообщества, тем больше вероятности того, что люди станут более независимыми, более ответственными за принимаемые решения, живущими по совести и по разуму. Именно эти факторы являются свидетельством наиболее эффективной и грамотной модели формирования местного самоуправления. В этой связи С. С. Сулакшин отмечает: «Человек может быть свободен только внутри себя. ...Он может выбрать между добром и злом. И ничего иного. Никто ему ничего не может предписывать, не может его в этом контролировать, ни наказывать — кроме его совести» [18].

Реализация модели местного сообщества в контексте либеральной идеи подразумевает сохранение индивидуальных прав и свобод, что

позволит обеспечить органам местного самоуправления свободу при принятии и исполнении решений. Что касается непосредственно членов местного сообщества, то и они участвуют в партнерстве только исходя из собственных интересов и преследуя личную выгоду — это и будет способствовать их самоутверждению. Отсюда следует вывод, что как для органов местного самоуправления, так и для его членов функции правовых норм сводятся только к определению уровней свободы.

Как известно, попытки навязать России ряд ценностей европейской цивилизации приводили к бюрократической профанации. Как справедливо отмечает А. Н. Дементьев, в российские законы о местном самоуправлении практически без существенных изменений вносились и применялись правовые нормы западного образца. Поэтому и появились те проблемы, которые не могут решить на местном уровне, в частности вопрос собственности муниципалитетов, что как раз и является основой любой власти, гарантией свободы человека [8, с. 112].

Имея такой мощный ресурс, как собственность, органы местного самоуправления способны стать самостоятельными субъектами внутреннего руководства. Данная практика осуществления внутреннего руководства сферой самоутверждения местного сообщества, согласно либеральной концепции, могла бы иметь для страны негативные последствия, поскольку стала бы началом разгосударствления.

Метаморфозы социальной жизни в России, которые проходили под контролем и мощным давлением Запада, имели две стороны. Первая сторона как бы отражала «реальность», а другая сторона показывала, как все есть на самом деле. Так, хотя органы местного самоуправления должны действовать независимо от государства, на самом деле государство оказывает на них огромное влияние. Городским властям были предоставлены организации социального значения, неликвидное имущество предприятий-банкротов. Данное обстоятельство существенно сокращало способности органов местного самоуправления решать большинство вопросов, касающихся сфе-

ры саморазвития местного сообщества, самостоятельно, поскольку значительно уменьшались материально-финансовые возможности этих органов, то есть сокращалась псевдосфера их функционирования. К влиянию со стороны государства можно отнести и предоставляемые им субсидии, благодаря которым обеспечиваются государственные программы, а также усиление государственных прав и прочие положения, снижающие роль местного самоуправления [20].

Структура налогообложения и работа фискальных органов при таком подходе не поощряют муниципалитеты к развитию собственной экономики. Получается, легче ожидать финансовой помощи от государства, чем самим проявлять инициативу, тем более и расход средств также определяется интересами Федерации. В итоге получается: либеральная концепция местного самоуправления в реальности вроде бы и должна обеспечить свободу индивидуального над общим, но на самом деле свобода гражданина и его права могут быть ограничены в интересах государства или других лиц, что также отражено в Конституции Российской Федерации [11, ст. 55].

Можно сделать вывод о значительном сужении границ псевдосферы функционирования органов местного самоуправления. Независимость данных органов сокращается до минимума, поскольку они трансформируются в низовой уровень вертикали власти и подлежат огосударствлению. Результатом огосударствления становится соответствие положения органов местного самоуправления определениям трансцендентального субъекта. В результате реализация концепции либеральной демократии для самих субъектов местного сообщества предполагает в большей степени возможность решать вопросы местного значения, в частности принимать участие в местном референдуме или муниципальных выборах. Порок материально-финансового потенциала, отсутствие подлинной власти муниципалитетов раскрывает односторонний потенциал реализации модели местного самоуправления ее участниками. Иными словами, по определению Н. Н. Алексеева, суть понятия «либеральная демократия» для участников местного

сообщества заключается в машинальной системе «народного представительства» [2].

В результате закрепления данной машинальной системы, а также в силу того, что организация деятельности органов местного самоуправления предполагает репрезентацию вышеуказанных демократических процедур, образование органов местного самоуправления происходит за счет участников коммерческого сектора, для которых местное самоуправление является особенным уровнем власти, а не пространством жизнеутверждения местного сообщества. Представители малого, среднего и крупного бизнеса несомненно осознают, что органы местного самоуправления являются особым каналом управления государством, составляют часть системы социального и политического управления различными сферами общественной жизни. Анализируя возможности формирования в российском государстве реальной, а не имитационной демократии, Н. С. Розов определяет реальные пути ее развития и становления в будущем. В своей монографии Н. С. Розов фиксирует и отмечает, что такой путь развития реальной демократии предполагает огромные усилия в интеллектуальной и организационной сферах. Это также и огромная работа всего общества над отказом от социальных привычек и сиюминутных выгод [16].

О значительной роли местного самоуправления в плане укрепления российской государственности, необходимости его совершенствования писал президент РФ В. В. Путин [15]. Политическое и социальное взаимодействие, которое должно тесно связывать все субъекты политики, как государство, так и местное сообщество, способствует формированию таких связей. Местное самоуправление как социальный институт как раз и является тем самым училищем, формирующим и поддерживающим данные связи, которое будет представлять собой фундамент организованности общественных отношений. Принцип «всем миром», «всей землей» должен лечь в основу принятия и исполнения важнейших решений.

Реализация данного принципа будет являться отражением евразийской модели местного само-

управления, в основе которой лежит единство всех субъектов политического и социального взаимодействия: государства, его основных институтов, органов местного самоуправления и народа. В качестве внешней формы такого единства выступает государство, а в качестве внутренней — народ. О том, что будущее России за евразийством и что только там необходимо искать друзей, неоднократно заявлял Л. Н. Гумилёв: «...Англичане, французы и немцы... могут быть только хитроумными эксплуататорами. <...> ...Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [7].

Наступление западной культуры после развала Советского Союза сделало возможным выбирать культурные ценности. Причем этот выбор был обусловлен влиянием основных либеральных принципов: индивидуализма, свободы совести, частнособственнического предпринимательства и др. Для общества индивидуалистического данные ценности являются абсолютно естественными и нормальными. В культурное поле России стали проникать ценности и принципы других различных культур. Так, П. Н. Савицкий отмечает, что на русскую культуру оказывали влияние культурные ценности Востока, Запада и Юга. В результате этого русская культура соединила в себе лучшие черты всех этих культур, которые были исторически обусловлены [17]. Типы социальности общества определялись культурными ценностями, а также его историческим развитием. Тип социальности русского общества (коллективистский) противоположен типу социальности западного индивидуалистического общества. В отличие от западного общества потребления, где накопительство и стремление к обогащению становится целью и смыслом жизни многих людей, в российской культуре богатство никогда не являлось целью, а накопительство — стимулом [14].

Таким образом, государство как орган высшей власти в России, применяя законы и выступая со стороны силы, определяет функции органов местного самоуправления, то есть происходит формирование псевдосферы функционирования органов местного самоуправления. Тем самым государство оставляет за собой право вмешивать-

ся в их деятельность, а они обретают статус одного из «нижних» элементов системы государственного управления. Органы местного самоуправления в большей мере можно определить как трансцендентальный субъект, государство же как субъект управления высшего уровня выступает в качестве независимого субъекта. Через нормы права оно устанавливает полномочия органов местного самоуправления, определяя тем самым границы псевдосферы их функционирования. Либеральная концепция местной власти в российском варианте предполагает для органов местного самоуправления большое разнообразие псевдосфер их функционирования, однако данное разнообразие в значительной мере определяется тем, какие цели ставит государство перед каждой определенной территорией, а не уровнем свободы органов местного самоуправления.

При всем многообразии социальных норм реальное значение в сфере самоутверждения местного сообщества получают идеалы правды, добра и справедливости, а также нравственные ценности. И в результате диалектического взаимодействия социальных норм может получиться иное устремление формирования местного самоуправления, которое при восстановлении истинно русского коллективистского типа социальных отношений сможет обеспечить идеальность общественных связей, когда все решения вопросов в сфере местного сообщества осуществляются «всем миром», «всей землей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демотический государственный проект, то есть проект, основанный на органичной российскому обществу демократии, выстроенной по принципу соучастия народа в своей судьбе, отражает принципы традиционной для России «соборной идеологии». Данный проект выступает альтернативой западной модели демократии, в частности формальной демократии, основанной на простом большинстве голосов, и отвечает специфике общественной жизни российского народа.

Чуждый сложившемуся социуму коллективистского типа механизм формирования местных и региональных органов власти, будучи насиль-

ственно (волей верховной власти) внедряем в политическую практику, вызывает, с одной стороны, массовое отторжение — отсюда абсентеизм и повсеместное безразличие к проблемам управления обществом, а с другой — формирует общественный климат в духе конфликтности, разрушая общности традиционного типа («семья») и способствуя прогрессирующей атомизации социума.

В сложившейся ситуации представляется актуальным возврат к традиционным в отечественной практике механизмам правящего отбора, соответствующим менталитету подавляющего большинства россиян. Особый интерес представляет опыт формирования:

- местных органов власти (губные, волостные старосты и др.), сложившийся в допетровскую эпоху;
- представительной власти в соответствии с принципом сословного представительства (Земские Соборы);
- органов местного самоуправления в казачьих поселках, станицах и округах;
- опыт, связанный с созданием Советов местного самоуправления и Советов трудовых коллективов в 1990/91 гг.

Одна из возможных моделей формирования местных органов власти — в контексте отечественной традиции — может выглядеть следующим образом:

1. Жители каждого подъезда многоквартирного дома (варианты — одного небольшого дома, нескольких частных домов) избирают старост (из числа соседей).
2. Старосты нескольких многоквартирных домов (варианты — определенного количества домов поменьше, поселка, состоящего из множества частных домов) составляют **СОВЕТ МИКРОРАЙОНА**, из их числа избирается председатель Совета микрорайона.
3. Председатели Советов микрорайонов, находящихся на территории данного района, составляют **РАЙОННЫЙ СОВЕТ**.
4. Председатели городских районных советов составляют **ГОРОДСКОЙ СОВЕТ**, председатели всех районных советов края — **КРАЕВОЙ СОВЕТ**.

При желании эту схему можно экстраполировать и дальше — вплоть до главы государства — председателя ВЕРХОВНОГО СОВЕТА России. Подобного рода система формирования органов власти послужит делу общественной консолидации (выбор из числа хорошо известных избирателю претендентов исключает необходимость дорогостоящих и конфликтных — порой опасно конфликтных — избирательных кампаний) и стимулирует социальную активность населения (в этом плане не лишним представляется простой и эффективный механизм отзыва избранных должностных лиц), что, в свою очередь, явится серьезным шагом к выходу российского общества из кризиса.

Возвращаясь к разговору о развитии восточной части России, следует сказать, что, безусловно, Сибирь выступает одним из важнейших регионов России, и любые общероссийские проблемы непосредственно проявляются также в данном макрорегионе. Нельзя не отметить процесс формирования демократических институтов на территории Сибири.

Вторичный анализ социологических данных свидетельствует о существовании во многих городах Сибири таких проблем, как низкая степень гражданского участия, пробелы в законодательстве, недостаточность финансирования местного сообщества, дефицит профессиональных кадров. С другой стороны, на протяжении десяти лет в некоторых регионах Сибири функционирует модель сити-менеджмента, которая зарекомендовала себя с позитивной стороны. Так, например, в Забайкальском крае должность сити-менеджера существует с 1998 г., в частности в г. Чите, в республике Бурятия — с 2006 г. в Курумканском районе, с 2008 г. — в Прибайкальском и Муйском районах, с 2012 г. — в Улан-Удэ.

Также следует отметить, что уже на протяжении тридцати двух лет достаточно успешно функционирует такой институт, как Ассоциация

сибирских и дальневосточных городов (АСДГ). Это созданная на добровольной основе организация, занимающаяся сотрудничеством между муниципалитетами, имеет своей целью содействие организации местного управления, обеспечение межмуниципального сотрудничества, а также социально-экономического развития городов Сибири и Дальнего Востока.

Прежде всего Ассоциация зарекомендовала себя с положительной стороны благодаря использованию системного инновационного подхода к информационному обеспечению деятельности местных органов власти, организации передачи опыта в решении вопросов муниципального значения, деятельности по повышению уровня компетентности муниципальных служащих. В данную Ассоциацию входят на сегодняшний день 70 муниципальных образований Дальневосточного, Сибирского и Уральского федеральных округов, население которых составляет более 13 млн человек.

На наш взгляд, в условиях Сибири создать оптимальную модель деятельности органов самоуправления на демократической основе возможно только учитывая и перенимая успешный опыт других городов и регионов. Как показывают результаты экспертных опросов, проведенных среди глав регионов и муниципальных образований, обладающих значительным опытом работы в данной области, прежде чем принимать решения на федеральном уровне, необходимо опираться на научные данные, и прежде всего на результаты массовых опросов.

Для выявления сибирской специфики необходимы сравнительные эмпирические исследования по данной проблематике в различных районах и городах данного региона. В общем, потребуются более сильные и более решительные шаги государства и местного самоуправления, если мы хотим хотя бы начать разбираться с теми новыми проблемами, которые история вынесла на нашу политическую и социальную повестку дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврамчикова Н. Т. Взаимодействие государства и гражданского общества: монография / Н. Т. Аврамчикова. Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2013. С. 114-115.
2. Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство / Н. Н. Алексеев // Основы евразийства. М.: Арктогея Центр, 2002. С. 345.
3. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / Ф. Р. Анкерсмит. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 109 с.
4. Волобуев С. Г. Смысл и задачи современного российского консерватизма / С. Г. Волобуев // Современный российский консерватизм: сборник статей. М.: НП-Принт, 2011. С. 14.
5. Гончаров Е. А. Идеологическое оформление императива совершенства: социально-философский анализ идеологии русского евразийства [Рукопись]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. А. Гончаров. Красноярск: [б. в.], 2003. 24 с.
6. Гумилёв Л. Н. Горь от иллюзий / Л. Н. Гумилёв // Основы евразийства. М.: Арктогея Центр, 2002. С. 472.
7. Гумилёв Л. Н. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» / Л. Н. Гумилёв // Основы евразийства. М.: Арктогея Центр, 2002. С. 482.
8. Дементьев А. Н. О «Системе Советов» и земских учреждениях в России: возможные исторические параллели / А. Н. Дементьев // Государство и право. 1996. № 8. С. 112.
9. Дуреев С. П. Российская модель местного самоуправления / С. П. Дуреев // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2016. № 1 (8). С. 23-31.
10. Европейская Хартия о местном самоуправлении // Муниципальная власть. 1997. № 1. С. 52.
11. Конституция РФ (основной закон). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2011).
12. Кудашов В. И. Достоинство философа в современном мире (Субъективные заметки по поводу III Российского философского конгресса) / В. И. Кудашов // Теория и история. 2002. № 1. С. 93.
13. Лексин В. Н. Либеральная идея и ее российское воплощение / В. Н. Лексин // Либерализм: теория, состояние, прогноз: материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 5. М.: Научный эксперт, 2010. С. 93-104.
14. Моисеева Н. А. Глобализация и «русский вопрос» / Н. А. Моисеева // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 14.
15. Путин В. В. Демократия и качество государства / В. В. Путин // Коммерсантъ. 2012. № 20П (4805). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 18.10.2013).
16. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н. С. Розов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 391. DOI: 10.12731/978-5-8243-1480-9
17. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. М.: Аграф, 1997. С. 82.
18. Сулакшин С. С. Либерализм = эгоизм / С. С. Сулакшин // Либерализм: теория, состояние, прогноз: материалы постоянно действующего семинара. Вып. 5. М.: Научный эксперт, 2010. С. 105-106.
19. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Редакция от 25 декабря 2008 г. (с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 10 января 2009 г.). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2011).
20. Ackoff R. L. Reflections on Systems and their Models / R. L. Ackoff, J. Gharajedaghi // Systems Research. 1996. Vol. 13. No 1. Pp. 13-23. DOI: 10.1002/(SICI)1099-1735(199603)13:1<13::AID-SRES66>3.0.CO;2-O
21. Lane R. The Loss of Happiness in Market Democracies / R. Lane. New Haven, CT: Yale University Press, 2000. 480 p.
22. Putnam R. D. Better Together: Restoring the American Community / R. D. Putnam. New York: Simon & Schuster, 2003. 336 p.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-3-27-38

UDC 316.43

Russian version of the formation of local governments

Tatyana M. Goncharova¹, Elena V. Sokolova², Roman S. Chistov³

¹ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Department of Speech Therapy and Psychology,
Moscow Psychological and Social University in Krasnoyarsk
(Krasnoyarsk, Russian Federation)
goncharovtm@yandex.ru

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Head of the Department of Humanities and Socio-Political Disciplines,
Lesosibirsk branch of the Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
(Lesosibirsk, Russian Federation)
helena-sok@mail.ru

³ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Lesosibirsk branch of the Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
(Lesosibirsk, Russian Federation)
chistovrs@mail.ru

Abstract. This article deals with an on-growing problem that the model of state administration and regional and local self-government (that is being built in Russia) is focused on Western social forms. Which consider neither the specificity of the historical development of Russia, nor its cultural identity. The liberal mechanism of the formation of local and regional authorities, generally imposed by the will of the supreme power “from above”, causes massive rejection and forms a social climate in the spirit of conflict, destroying the community of the traditional type and contributing to the progressive atomization of society from below. This article asserts that, according to the Russian version of the liberal theory of local self-government, the formation of its organs should be ultimately based on a mechanical and institutionalized system of “popular representation”. The authors prove that the implementation of the Russian version of the liberal concept of local self-government should be accompanied by the nationalisation of local self-government bodies with their gradual transformation into the lower level of the vertical of power, which should become a school for training all subjects of social and political interaction. Thus, this article aims to develop the fundamentals of a model for the formation of local authorities, taking into account the domestic political and administrative tradition. The latter includes the formation of people’s councils of houses, neighbourhoods, districts and subjects of the Russian Federation. The authors show that such a model will contribute to social consolidation through the gradual “build-up” of social ties and the formation of stable social cells. According to the authors, this will stimulate social activity of the population due to the increasing involvement of initiative citizens in the solution of regional and municipal issues. This article substantiates the relevance of such actions for the development of Siberia as a macro-region. The authors conclude that self-government in Siberia has its own specifics and needs intensive development with its account.

Keywords: local government, sociology of management, regional sociology, local community, pseudo-sphere of functioning, sphere of life-affirmation, liberalism, Eurasianism.

Citation: Goncharova T. M., Sokolova E. V., Chistov R. S. 2018. “Russian version of the formation of local governments”. *Siberian Socium*, vol. 2, no 3, pp. 27-38. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-3-27-38

REFERENCES

1. Avramchikova N. T. 2013. Interaction between the State and civil society: monograph, pp. 114-115. Krasnoyarsk: Reshetnev Siberian State University of Science and Technology. [In Russian]
2. Alekseev N. N. 2002. "Eurasians and the State". In: Osnovy evraziystva, p. 345. Moscow: Arktogeya Tsentr. [In Russian]
3. Ankersmit F. R. 2014. Aesthetic politics. Political philosophy beyond fact and value. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. [In Russian]
4. Volobuyev S. G. 2011. "The meaning and objectives of contemporary Russian conservatism". In: Sovremenny rossiyskiy konservatizm: sbornik statey, p. 14. Moscow: NP-Print. [In Russian]
5. Goncharov E. A. 2003. "Making ideological imperative of perfection: socio-philosophical analysis of the ideology of Russian Eurasia" [Manuscript]. Cand. Sci. (Philos.) diss. abstract. Krasnoyarsk. [In Russian]
6. Gumilyov L. N. 2002. "Woe of illusions". In: Osnovy evraziystva, p. 472. Moscow: Arktogeya Tsentr. [In Russian]
7. Gumilyov L. N. "I'll tell you a secret, that if Russia is saved, it will only be through Eurasianism". In: Osnovy evraziystva, p. 482. Moscow: Arktogeya Tsentr. [In Russian]
8. Dementyev A. N. 1996. "On the 'System of Councils' and county agencies in Russia: possible historical parallels". Gosudarstvo i parvo, no 8, p. 112. [In Russian]
9. Dureev S. P. 2016. "Russian model of local government". Moscow Witte University Bulletin. Series 2: Law, no 1 (8), pp. 23-31. [In Russian]
10. Munitsipalnaya vlast. 1997. "European Charter of local self-government". Munitsipalnaya vlast, no 1, pp. 52. [In Russian]
11. RF Constitution. Accessed on 18 October 2011. <http://www.consultant.ru> [In Russian]
12. Kudashov V. I. 2002. "The dignity of the philosopher in the modern world (reportages about the 3rd Congress of Russian philosophy)". Teoriya i istoriya, no 1, p. 93. [In Russian]
13. Leksin V. N. 2010. "The liberal idea and its Russian incarnation". Proceedings of the research workshop "Liberalizm: teoriya, sostoyaniye, prognoz", no 5, pp. 93-104. Moscow: Nauchnyy ekspert. [In Russian]
14. Moiseeva N. A. 2003. "Globalization and the 'Russian issue'". Sotsiologicheskie issledovaniya, no 6, p. 14. [In Russian]
15. Putin V. V. 2012. "Democracy and the quality of the state". Kommersant, no 20II (4805). Accessed on 18 October 2013. <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> [In Russian]
16. Rozov N. S. 2011. Track and pass: macrosociological founding policies of Russia in 21st century. Moscow: ROSSPEN. [In Russian] DOI: 10.12731/978-5-8243-1480-9
17. Savitskiy P. N. 1997. The Continent of Eurasia. Moscow: Agraf. [In Russian]
18. Sulakhin S. S. 2010. "Liberalism = selfishness". Proceedings of the research workshop "Liberalizm: teoriya, sostoyaniye, prognoz", no 5, pp. 105-106. Moscow: Nauchnyy ekspert. [In Russian]
19. RF Federal Law of 6 October 2003 no 131-FZ "On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation". Edited on 25 December 2008 (with active revision as of 10 January 2009). Accessed on 18 October 2011. <http://www.consultant.ru> [In Russian]
20. Ackoff R. L., Gharajedaghi J. 1996. "Reflections on Systems and their Models". Systems Research, vol. 13, no 1, pp. 13-23. DOI: 10.1002/(SICI)1099-1735(199603)13:1<13::AID-SRES66>3.0.CO;2-O
21. Lane R. 2000. The Loss of Happiness in Market Democracies. New Haven, CT: Yale University Press.
22. Putnam R. D. 2003. Better Together: Restoring the American Community. New York: Simon & Schuster.